

Культурный контекст, миграция и гендерные аспекты в судебной психиатрии

Ferreira J.S., Santos J.H., Grilo A., Santos M.J. (Больница Лурес, Лиссабон, Португалия)

Перевод с английского:

Н.Д. Семенова^{1,2}, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Московского НИИ психиатрии, доцент кафедры клинической психологии.

¹ Московский научно-исследовательский институт психиатрии — филиал Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава РФ (107076, г. Москва, ул. Потешная, д.3, к. 10).

² Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Минздрава РФ, институт клинической психологии и социальной работы (117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1).

В контексте судебно-психиатрической экспертизы профессионалы должны стремиться быть максимально компетентными в вопросах интервьюирования, экспертной оценки при вынесении экспертного решения в случаях, когда речь идет о работе с лицами социальных, культурных и социально-экономических групп, отличных от тех, к которым принадлежит сам эксперт. Неверная экспертная оценка может иметь глубокие последствия как для анализируемых лиц, так и для общества в целом. В данной статье рассматривается судебно-психиатрический случай, в центре которого – брак взрослого с несовершеннолетней. Оба лица – иммигранты из Гвинеи, проживающие в Португалии в районе Большого Лиссабона. В большинстве подобного рода случаев в качестве доводов для вынесения экспертного решения судебно-психиатрические эксперты используют так называемый «культурный аргумент», когда решение выносится в пользу мужчин, тогда как универсальные права женщин и детей нарушаются. Отстаиваемая нами позиция такова: формальные правовые системы могут предоставить возможность представителям иных культур углубить и обогатить понимание своей культуры, поставить под сомнение некоторые аспекты идентичности, социального поведения, и далее – выстроить и организовать свою жизнь в новом обществе на современный лад.

Ключевые слова: пол, миграция, Португалия, психиатрия.

Cultural context, migration and gender aspects in forensic psychiatry

Ferreira J.S., Santos J.H., Grilo A., Santos M.J. (Loures Hospital, Lisbon, Portugal)

Translated from English:

N.D. Semenova^{1,2}, Candidate of Psychological Sciences, Leading researcher at the Moscow Research Institute of Psychiatry, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology.

¹ Moscow Research Institute of Psychiatry is a branch of the V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (107076, Moscow, Poteshnaya str., 3, room 10).

² Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education N.I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Institute of Clinical Psychology and Social Work (1 Ostrovityanova str., Moscow, 117997).

In the forensic context, professionals should make all efforts to be competent in the processes of interview, evaluation and intervention of social, cultural and socioeconomic groups different from their own. An inaccurate evaluation may have strong implications both for the examinees and for the society at large. In this vignette, the case of the marriage of an under-aged girl with a man of legal age, both Guinean immigrants living in Portugal, Greater Lisbon, is discussed. In a significant number of similar cases, the intervention of forensic psychiatrists results in the 'cultural argument' as a bias favouring men, violating the universal rights of women and children. We conclude that formal legal systems may represent an opportunity for cultures to further and enrich their self-understanding, questioning identity, social and behavioural aspects and organising social life in a contemporaneous manner.

Key words: gender, emigrants and immigrants, Portugal, psychiatry.

РЕАЛИИ КУЛЬТУРЫ И ИХ МЕСТО В СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ

Проблема миграции находится в широкой сфере действия правовых систем, занимающихся, в частности, борьбой с незаконными перемещениями, предотвращением трудовой или сексуальной эксплуатации, противодействием вербовке людей

для участия в вооруженных конфликтах и сетях религиозной радикализации. В последние несколько лет разворачивается и усиливается дискуссия о месте реалий культуры в правовых системах. Наряду с вышеупомянутыми областями деятельности правовых систем, существуют еще и вопросы, касающиеся «консолидации интеграции и расширения прав и возможностей иммигрантских

сообществ», где наряду с положительными результатами есть и издержки [1]. Для оптимизации судебно-психиатрической экспертизы психиатру необходима оценка и определенных условий, а именно тех, когда «восприятие или оценка фактов требуют специальных технических, научных или иных специальных экспертных знаний» [2]. В этой оценке важно учитывать культуру страны, других стран. На индивидуальном уровне это будет способствовать лучшему пониманию причин поведения обвиняемого, психологических механизмов криминальных действий, способности человека к самоопределению и пониманию опасности. На уровне общества это позволит развить плюралистический взгляд, учитывающий различные ценности, важные для этих сообществ. Renteln, цитату которого приводит Campinha-Bacote [3], подчеркивает, что правовая система обязательно должна поднимать три ключевых вопроса:

1. Является ли обвиняемый частью определенной культурной группы?
2. Существует ли у этой группы выделенная и обсуждаемая здесь традиция?
3. Был ли обвиняемый движим данной традицией при совершении деяния, в котором его/ее обвиняют?

В самом деле, несправедливо судить других при недостаточной ориентировочной основе действия, то есть, не зная о правилах и ценностях того или иного общества. В то же время, на правосудие не должны влиять непоследовательные или произвольные критерии, которые, несмотря на их соответствие общепринятым в культурном отношении некоей страны (традиционным) практикам, приведут в конце концов к безнаказанности и стигматизации.

Такое понимание различий между собственным опытом и опытом людей, которых мы, профессионалы, стремимся понять, особенно важно для судебных психологов, поскольку культурные различия не сводятся просто к смешению иммиграции и языка [4].

Далее в статье мы опишем случай брака несовершеннолетней девушки с совершеннолетним мужчиной, оба — иммигранты из Гвинеи, проживающие в Португалии, в Большом Лиссабоне. В подавляющем большинстве подобных случаев вмешательство судебно-медицинских экспертов приводит к тому, что появляется некая «культурная аргументация» в виде определенной предвзятости, играющей в пользу мужчин. Встает вопрос, нарушает ли эта аргументация универсальные права женщин и детей? Международные соглашения утверждают, что половой акт между лицом, достигшим совершеннолетия, и несовершеннолетним, является нарушением права на физическую неприкосновенность и человеческое достоинство, а также угрозой самоопределению человека. Согласно статье 19 (1) Конвенции ЮНИСЕФ о пра-

вах ребенка [5], «государства-участники должны принимать все соответствующие законодательные, административные, социальные и образовательные меры для защиты ребенка от любых форм физического или психологического насилия, телесных повреждений или жестокого обращения, пренебрежения или небрежного обращения, эксплуатации, включая сексуальное насилие, во время нахождения на попечении родителя(ей), законного опекуна(ов) или любого другого лица, которое заботится о ребенке».

Анализ представляемого здесь случая поднимает клинические вопросы, в которых культурные или религиозные требования меньшинств, как продукт миграционного движения, вступают в противоречие с правилом гендерного равенства, которое, по крайней мере, декларативно поддерживается либеральными государствами [6]. Кроме того, этот случай заставляет задуматься о том, как социальные и культурные правила, включая религию, могут привести к неравенству в доступе к правам человека и их реализации. И здесь могут сыграть свою положительную роль женщины-мигрантки — в плане повышения социальной сплоченности, усиления продвижения прав, гражданства и равных возможностей [7]. Важно подчеркнуть, что указанная выше гендерно-предвзятая культурная аргументация (сначала — мужчины, затем — женщины и, наконец, дети) ведет к стигматизации культур меньшинств из-за искаженных взглядов, индуцированных в принимающей культуре и сосредоточенных преимущественно на неблагоприятных событиях, избирательно высвечивающих только негативные проявления. Это не означает, что мы не должны обращать внимание на недостаточное соблюдение прав человека, но мы также не должны впадать в стереотипные, упрощенные взгляды, которые приведут к осуждению других культур.

МИГРАЦИЯ, ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ И МЕЖКУЛЬТУРНОСТЬ

В сообществе Гвинеи-Бисау, с которым связан данный случай, насчитывается 16 186 человек, что составляет 3,4 % от общей численности мигрантов Португалии. Из них 8522 (53 %) — мужчины, 7664 (47 %) — женщины [8]. Гвинейская миграция в основном обусловлена экономическими проблемами, и наиболее распространенными этническими группами здесь являются Manjasa и Macanha из региона к северу от Бисау, на границе с Сенегалом. В религиозном отношении данную группу относят к мусульманам-суннитам [9]. Гвинейские мигранты концентрируются в определенных районах, где они сохраняют и сберегают свою культуру. Эти кварталы распределены между муниципалитетами следующим образом:

Лиссабон (73,08 %), Сетубал (10,60 %) и Фаро (6,94 %) [9]. Португальская национальная и мировая литература свидетельствует о растущей тенденции, состоящей в том, что иммигранты и этнические группы в пенитенциарных учреждениях весьма ощутимо представлены, и это, главным образом, иммигранты из португалоязычных африканских стран (в основном из Кабо-Верде). Основной группой преступлений, влекущих за собой лишение свободы, является незаконный оборот наркотиков, которым занимаются, как правило, молодые люди с низким уровнем образования [10]. По данным Главного управления реинтеграции и пенитенциарных служб Португалии за 2019 год [11], иностранцы составили 14,83 % от общего числа заключенных в Португалии, и это были в основном выходцы из Африки (53,44 %). Хотя эти данные следует анализировать с известной долей осторожности, они, однако, указывают на ряд настораживающих моментов: несовершенство судебно-уголовной системы, недостаточное знание этими иностранцами португальского законодательства, ощутимые трудности в получении ими хорошей адвокатской защиты. Эта связь между индивидуальной культурой и институциональной культурой сложна и динамична: прежде господствовавший взгляд о так называемой правовой ассимиляции, страдавший некоторой односторонностью, сменяется другим — в настоящее время говорят о предоставлении людям возможности осуществлять свой выбор и свободу действий, одновременно разрабатывая свои стратегии правовой адаптации [12].

Правовой плюрализм, исследование правового сознания / культуры — все это требует надлежащего признания культуры происхождения иммигрантов, внимания к культурным моделям ценностей, отношения к праву и средствам разрешения споров, вытекающими из различных правовых порядков, в которых мигранты были социализированы еще до их прибытия и проживания в принимающей стране.

«Гвинейцы-мусульмане, обосновавшиеся в Португалии, демонстрируют жесткие модели поведения, поскольку с раннего возраста в школах по изучению Корана усваивают прямые и строгие указания, согласно религиозным предписаниям [...]. В среде гвинейцев можно наблюдать взаимодействие, переплетение и смешение доисламских, исламских и католических практик, привнесенных когда-то португальцами в Гвинею-Бисау» [13]. Фундаментальная связь между культурой и разного рода гендерными проблемами заключается в том, что в воззрениях определенных культурных или религиозных групп доминирует господство мужчин над жизнью женщин, их сексуальностью и репродуктивной свободой. Исходя из этого, брак с несовершеннолетними, подчинение женщин и прочее — вполне отвечает «тради-

циям». Феминизация миграции, вероятно, создаст новые проблемы для правовой системы страны, поскольку многие женщины демонстрируют недостаточную автономию и силу в плане защиты своих прав [14]. Влияние мультикультурализма на эту практику заставляет некоторые страны принимать правовые меры в соответствии с гражданским, семейным и ювенальным законодательством, а отнюдь не уголовным законодательством, поскольку нарушение права выбора (мужа) в данном случае стоит выше по отношению к агрессии, жертвами которой часть становятся эти женщины [15].

В соответствии с современными теоретическими моделями «правового сознания», объясняющими динамику отношений между иммигрантами и правовой системой стран, принимающих этих людей, а также используя стратегию «снизу вверх», авторы статьи раскрывают вышесказанное на следующем примере.

СЛУЧАЙ ИЗ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

«Субъект является ответчиком судебного процесса. Он обвиняется в половом сношении с несовершеннолетней. Так утверждает один из школьных педагогов девочки-жертвы. Была запрошена процедура оценки. [...] Обвиняемый был осведомлен о фактическом возрасте жертвы. [...] Поведение ответчика полностью принималось двоюродной бабушкой несовершеннолетней, а также ее родителями. Поведение потерпевшей и ее позиция на этом фоне характеризовалась как непротивление. Девочка считала, что она состоит в романтических, любовных отношениях с обвиняемым, и полагала, что он женится на ней. [...] Несовершеннолетняя была временно помещена в казенное учреждение X., и это была мера, применяемая в рамках процесса защиты [...]».

X. районный суд по делам семьи и несовершеннолетних

Информация об ответчике

Место рождения: Катио Томбали, Гвинея-Бисау.

Возраст: 53 года

Семейное положение: холост

Должность: сотрудник канцелярии приходского округа X.

Отчет о фактах, которые послужили основанием для оценки, по словам ответчика: «[...] он заявляет, что находится в Португалии с 1992 года. Он родился в Гвинее и окончил там 6 классов школы. Он мусульманин. Когда его спрашивали о том, что он думает о процессе, в котором участвует, он отвечает, что девушка, с которой у него были отношения, родом из Гвинеи, ее родители находятся в Гвинее. На момент их знакомства девочка жила у дяди (который, по его словам,

в настоящее время находится в тюрьме) и двоюродной бабушки. Девочке было примерно 12–13 лет, он точно не знает. По его словам, он был не первым мужчиной в ее жизни, был еще кто-то до него (изнасилование?) ... Он бывал в доме двоюродной бабушки и утверждает, что семья девочки не препятствовала развитию их отношений, он даже заплатил за неё некое приданое... Отправил 300 евро родителям девочки ... Он сообщает, что девушка ему нравится, и в настоящий момент они уже женаты, однако жить с ней (как с женой) он начал только сейчас, когда ей исполнилось 18 лет. В начале знакомства была договоренность на сей предмет ... На тот момент он не знал, что близкие отношения такого рода здесь запрещены, но теперь, когда он знает об этом, он полагает, что поступил неправильно ... Он также утверждает, что с тех пор, как они стали жить вместе, она не была ни с кем другим в близких отношениях. Он дал девушке свою банковскую карту, чтобы она могла ею пользоваться [...]».

Из анамнеза (выписка): «Он может быть одним из 5–6 братьев и сестер (точно не знает) в семье, в которой у отца было несколько жен, однако он (ответчик) — единственный ребенок матери. В детстве у него было несколько эпизодов отита, вызвавшего умеренную глухоту, от которой он желал излечиться, и именно это послужило одной из причин переезда в Португалию [...]».

Интервью: «[...] Он встретил жертву примерно в 2006 году, когда та жила со своей двоюродной бабушкой, которая, в свою очередь, является также родственницей субъекта. По его словам, двоюродная бабушка одобряла отношения и даже способствовала его общению с родителями жертвы и передаче вышеуказанного приданого. В последнем интервью он заявил, что уже проживает с потерпевшей, достигшей совершеннолетия. Затрагивая тему мусульманской религии, говорит, что считает себя практикующим мусульманином, регулярно посещает мечеть. На вопрос, употреблял ли он алкоголь (в момент деяния), заявляет, что те, кто пьет или злоупотребляет алкоголем, не являются истинно верующими [...]».

Заключение: «[...] Он совершал неприемлемые действия, проявлял отклоняющееся поведение, при этом демонстрировал осознание совершаемых им действий и был способен отличать добро от зла, существенное от второстепенного. Однако следует учитывать культурное происхождение субъекта, учитывать широту и многообразие культурных аспектов его собственной культуры, отличающихся от общих характеристик Западной культуры, в которой мы находимся. К данной культуре он постепенно адаптируется. Все эти факторы могли стать негативным подкреплением поведения, в котором его обвиняют [...]».

ОБСУЖДЕНИЕ СЛУЧАЯ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОСТИ В СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ

Брак с несовершеннолетним является весьма актуальной социальной проблемой для врачей, учитывая высокий уровень распространенности этого явления / таких случаев / на глобальном уровне, и влияние данного явления на негативную адаптацию жертв [16]. Некоторые авторы относят «договорной» брак к категории принудительного брака [15]. Что касается сексуального насилия над детьми и предоставления услуг с учетом данной культуры, врачам крайне важно отдавать себе отчет, что в разных культурах существуют разные определения сексуального насилия; следует также учитывать степень устойчивости жертвы и степень риска [16]. Культурные нормы влияют на вероятность того, будет ли раскрыт факт сексуального насилия, будет ли сообщено о жестоком обращении с детьми со стороны взрослых. Барьерами к раскрытию подобных случаев могут быть односторонне истолкованные ценности скромности и стыда, связанные с мусульманской культурой. Когда семьи буквально выживают в условиях бедности или крайне низкого дохода, болезней, безработицы или бездомности — несовершеннолетние, как и члены их семьи, могут хранить молчание, не сообщать о насильнике, так как совершающее деяние лицо может оказывать финансовую поддержку семье или даже целой общине. Ещё одним фактором, способствующим сокрытию ситуаций насилия, является страх перед возможностью помещения ребенка в казенное учреждение, что в целом не одобряется этническими меньшинствами [17]. В рассматриваемом здесь судебном-медицинском деле акцент на девственности потерпевшей важен, так как отражает приписываемую ей культурой ценность (девственность = ценность). Когда девственность утрачена, женщина теряет свою ценность, и все это негативно влияет на будущие брачные предложения. Девочки или взрослые женщины, ставшие жертвами сексуального насилия, считаются «опозорившими» свои семьи, и это делает необходимым «очистить семью» и восстановить честь. Все это усугубляет риск дальнейшего сексуального насилия, продлевает далее цикл и поддерживает, а отнюдь не останавливает его. На этом фоне семья может оказать давление на обидчика, заставив его жениться на пострадавшем ребенке (девочке), тем самым восстановить репутацию девочки и честь семьи [17]. Частым предметом дискуссии в мусульманской культуре является брак девочек (в том числе девочек препубертатного возраста) с мужчинами старшего или среднего возраста [17]. Коран поддерживает такой брак: пророк Мухаммед женился на Аише, когда той было 6 лет, и заключил брак, когда невесте исполнилось 9 лет.

Среди иммигрантов наличествуют особо уязвимые группы, и многие случаи дискриминации женщин по культурному признаку в их частной жизни могут стать достоянием общественности, например, через правовую систему. Изучая другие культуры, судебно-медицинские эксперты могут увидеть разницу между браком девочки с взрослым мужчиной и их сексуальными отношениями без брака. Хотя оба случая являются незаконными в Португалии, сексуальная эксплуатация вне брака не имеет и религиозного оправдания. Мигранты, недавно прибывшие в принимающую страну, могут не знать о механизмах защиты детей, и их необходимо обо всем этом информировать [17]. Помимо передачи такой информации о правовой системе, важно также, чтобы они могли ее по-настоящему понимать [18], так как владение языком не равно культурной ассимиляции [4]. Культуру не следует воспринимать как нечто статичное, применимое к людям данного региона или данной этнической группы. Подобное упрощение не учитывает изменчивости самой аккультурации, поскольку большинство мигрантов со временем постепенно «аккультурируют» доминирующую культуру [4]. Предполагаемой целью всегда будет интеграционное усилие, которое согласует «верования и ритуалы в рамках светского общества с конкретной правовой базой» [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграционные потоки требуют принятия мер по обеспечению ценности различных религий и культур, содействия внедрению передовой практики интеграции иммигрантов и обеспечения собственно социальной сплоченности. Что касается женщин-иммигрантов, то интеграцию их в общество следует усилить, опираясь именно на нормы гендерного равенства. Таким образом, в судебно-медицинском контексте профессионалы должны приложить все усилия, чтобы быть компетентными, проводя опросы в рамках судебного процесса, давая оценки и рекомендуя вмешательство, когда речь идет о работе с детьми и семьями, принадлежащими к различному социальному, культурному и экономическому происхождению, отличному от их собственного. Некорректная оценка может иметь серьезные последствия как для отдельного человека, так и для общества в целом. На карту могут быть поставлены вопросы уголовного или гражданского плана, затрагиваться вопросы, касающиеся самой иммиграции. Следует также отметить, расхождения, существующие в демографическом составе собственно судебно-психиатрических специалистов, с одной стороны, и культурно разнообразных субъектов, которых они оценивают, с другой. Профессионалы должны повысить свою осведомленность

в плане культурного контекста, ознакомившись, к примеру, с языком и происхождением субъекта, привлекая переводчиков и, при необходимости, корректируя нейропсихологические тесты и экспертное мнение культурных посредников. В этой сложной задаче изучения групп меньшинств следует учитывать и факторы стресса, такие как иммиграция, маргинализация, дискриминация, нехватка ресурсов и стигма. Все эти факторы могут способствовать развитию симптомов и, в конечном итоге, влиять на квалификацию случая. Неоднократно переживаемый иммигрантами опыт несправедливости, дискриминации и виктимизации, может привести к возникновению так называемой культурной подозрительности [4], что отрицательно влияет на судебно-медицинскую экспертизу. В контексте экспертной оценки психических расстройств для оптимизации судебно-психиатрической экспертизы может возникнуть ситуация, когда на собеседовании из-за статуса иммигранта и/или нехватки ресурсов будет отсутствовать информация о личной, психиатрической и криминальной истории. Могут также отсутствовать и собственно информаторы по культуре, необходимые для процедуры оценки. В этом случае полезно обратиться за помощью к местным службам поддержки иммигрантских сообществ, которые обычно расположены в районах с проживанием значительного количества иммигрантов. Профессионалы ответственны за свою культурную компетентность, за ее приобретение и развитие путем непрерывного профессионального образования и обучения [20, 21]. Такое обучение — по сути не столько теоретическое знание особенностей тех или иных культур, а повышение способности профессионала увидеть свои собственные ограничения. Воззрения профессионала должны быть свободны от этноцентризма, однако следует помнить и о «цветовой слепоте», которая также может закреплять расовые, культурные и этнические предубеждения, и приводить к снижению эффективности работы.

Вынесение экспертных решений с учетом клинических, социальных и личностных факторов требует от профессионалов многого. Они должны иметь представление о ценностях и обычаях семьи несовершеннолетнего и, движимые своим этическим долгом, ставить интересы ребенка превыше всех остальных. Речь идет об отношении специалиста к религии и о неприемлемости оправдания брака с детьми или сексуального насилия над детьми в исламских традициях сообщества [17]. Этнические и культурные установки не могут преобладать над правами человека, а вмешательство государства и властей должно быть направлено на развитие «межкультурного диалога, вызывающего изменение между привычками и мировоззрениями» [19]. Эти позиции часто противоположны, и на диалог неиз-

бежно влияют сложные связи и отношения между гегемонистскими и контргегемонистскими позициями» [19]. Таким образом, миграция подразумевает не только социальную и психологическую адаптацию, но также и то, что человек интегрирует различные культуры, языки, социальные и этические нормы, а это означает, что он должен опираться на те стратегии адаптации, что помогут ему преодолеть проблемы, связанные с иммиграцией и аккультурацией [7]. Следует также признать, что культуры могут влиять друг на друга, расширяя тем самым свои концептуальные, поведенческие и моральные перспективы. Так, женщины-мигрантки выиграли бы, если собственно миграционный процесс будет стимулировать или укреплять гендерное равенство. Крайне важно, чтобы медицинские работники, находящиеся в позиции культурного большинства, способствовали своему культурному обучению и пониманию мира с точки зрения другого и одновременно вносили вклад в создание более справедливого общества, обесценивающего свободы, права и гарантии всех людей групп и человеческое достоинство отдельного человека — как женщин, так и мужчин. Иммиграционная политика и формальные правовые системы могут предоставить платформу для понимания неравенства внутри культур, реагирования на исходящие от них потребности и потребности и представления отдельных, не столь влиятельных членов группы. Миграционные потоки дают возможность культурам развиваться и обогащать понимание себя, задаваться вопросом на предмет идентичности, социальных и поведенческих её аспектов, и одновременно организуя свою социальную жизнь.

Литература

1. Resolução do conselho de Ministros nº 12-B; 2015. Diário da República nº 56-I Série. Plano estratégico para as migrações (2015-2020). Available from: https://elearning.uab.pt/pluginfile.php/918449/mod_resource/content/1/plano%20das%20migra%C3%A7%C3%B5es%202015-2020.pdf, consultado em 7 de Abril de 2020.
2. Código do processo penal em 10 de Maio de 2020; 2007. Redação Resultante das Alterações Introduzidas Pela Lei 48/2007 de 29 de agosto. Available from: https://www.verbojuridico.net/download/cpp2007_v1.3.pdf, consultado.
3. Campinha-Bacote J. Cultural considerations in forensic psychiatry: the issue of forced medication. *Int J Law Psychiatry*. 2017;50:1–8. PMID: 27726891; DOI: 10.1016/j.ijlp.2016.09.002
4. Rioja VB, Rosenfeld B. Addressing linguistic and cultural differences in the forensic interview. *Int J Forensic Ment Health*. 2018;17(4):377–86. DOI: 10.1080/14999013.2018.1495280
5. UNICEF. Convenção sobre os direitos da criança [Convention on the Rights of the Child]; 1989. Available from: <https://www.unicef.pt/actualidade/publicacoes/0-a-convencao-sobre-os-direitos-da-crianca/>, [consulted on Apr 18, 2020].
6. Okin SM. O multiculturalismo é ruim para as mulheres? *Rev Brasileira Cien Polít*. 2010, julho-dezembro;4: 355–74.
7. Ramos N. Género e migração. Questionando dinâmicas, vulnerabilidades e políticas de integração e saúde da mulher migrante. In: GÉNERO F, editor. Available from: https://elearning.uab.pt/pluginfile.php/918451/mod_resource/content/1/NRamos%20%282010%29%20Genero%20e%20migra%C3%A7%C3%A3o%20e%20pol%C3%ADticas%20integra%C3%A7%C3%A3o%20e%20sa%C3%BAde.pdf, 9 DIÁSPORAS, DIVERSIDADES, DESLOCAMENTOS, Florianópolis. *Anais Electrónicos*. Universidade Federal de Santa Catarina; 2010, consultado em 10 de Abril de 2020.
8. SEF. Relatório de imigração; 2018. fronteiras e asilo. Available from: <https://sefstat.sef.pt/Docs/Rifa2018.pdf>, consultado em 18 de Abril de 2020.
9. Santos JR, Mendes MF, Rego C. Contributos dos imigrantes guineenses em Portugal para a dinâmica populacional. Available from: https://comum.rcaap.pt/bitstream/10400.26/20096/1/12%202011%201307713682_ARQUIVO_conlabguineBissaucomunicacao_MFM.pdf congresso Luso Afro-Brasileiro de ciências sociais. Vol. XI. Salvador: Universidade Federal de Bahia (UFBA); 2011, consultado em 2 de Maio de 2020.
10. Gomes S. Criminalidade, etnicidade e desigualdades. Braga: Universidade do Minho; 2011. Google. Available from: <https://mail.google.com/mail/u/0/?tab=wm#sent/QgrcJHsNmtZbnvqxTrrJwlmDqvmqwkxRRNL?projector=1&messagePartId=0.1>, consultado em 7 de Maio de 2020.
11. Geral de Reinserção D, Prisionais S. Estatísticas Prisionais anuais. Lisboa; 2019. Available from: <https://dgrsp.justica.gov.pt/Estat%3%ADsticase-indicadores/Prisionais/2019>, consultado em 7 de Maio de 2020.
12. Kubal A. Migrant's relationship with law in the host country: exploring the role of legal culture. *J Intercult Stud*. 2013;34(1):55–72. DOI: 10.1080/07256868.2013.751905
13. Marques VLM. Islã: práticas religiosas e culturais. *Horizonte*. 2015;13(38):733–49. DOI: 10.5752/P.2175-5841.2015v13n38p733
14. Ramos N. Migração, maternidade e saúde. Salvador. Vol. 18. p. 84–93; 2012. Repertório. Available from: https://elearning.uab.pt/pluginfile.php/953272/mod_resource/content/1/Ramos%202012%20maternidade%20e%20migra%C3%A7%C3%A3o.pdf, consultado em 10 de Abril de 2020.
15. Quek K. A civil rather than criminal offence? Forced marriage, harm and the politics of multiculturalism in the UK. *Br J Pol Int Relat*. 2013;15(4):626–46. DOI: 10.1111/j.1467-856X.2012.00525.x
16. Sanjeevi J, Houlihan D, Bergstrom KA, Langley MM, Jenkins J. A review of child abuse: impact, risk and resilience in the context of culture. *J Child Sex Abus*. 2018;27(6): 622–41. PMID: 30064308; DOI: 10.1080/10538712.2018.1486934
17. Fontes LA, Plummer C. Cultural issues in disclosures of child sexual abuse. *J Child Sex Abus*. V. 2010;19(5):491–518. PMID: 20924908; DOI: 10.1080/10538712.2010.512520
18. Layde JB. Cross-cultural issues in forensic psychiatry training. *Acad Psychiatry*. V. 2004;28(1):34–9. PMID 15140806; DOI: 10.1176/appi.ap.28.1.34.
19. Medeiros N, Denis T. Multiculturalidade, interculturalidade, direitos humanos e violência de género: breves notas para pensar o caso da mutilação genital feminina em Portugal e a sua abordagem. *Cad Pagu*. 2019;55(55):1–21. DOI: 10.1590/18094449201900550017
20. American Psychological Association. Guidelines on Multicultural Education, Training, Research, Practice, Organizational change for culturally diverse populations. *Am Psychol*. 2003;58(5):377–402, consultado em 10 de maio de 2020.
21. American Psychological Association. Specialty guidelines for forensic psychology. *Am Psychol*. 2013;68(1):7–19. doi: 10.1037/a0029889, PMID 23025747, consultado em 10 de maio de 2020.